

Поэт в России

Вера Полозкова: мы здесь для того, чтобы говорить о том, о чем нельзя говорить

Корреспондент Радио Свобода Роман Супер поговорил с московской поэтессой Верой Полозковой о том, что происходит с поэтами, когда к ним перестают приходиться слова; кому в России в 2015 году нужна поэзия; как противостоять войне и безумным законам; почему она предпочитает не материться со сцены; поговорил о поколении тридцатилетних россиян и узнал, зачем поэтесса поехала на "Довлатов-фест" тогда, когда многие другие этот фестиваль бойкотировали из-за губернатора Турчака.

Вера Полозкова.
Фото Анны
Ульяновой

– Писать стихи – это как-то слишком сентиментально и старомодно в мире победивших циников и ценников. Ты сама так не думаешь?

– Это была история, с которой все и началось. Так думают 90 процентов моих друзей с факультета журналистики.

– И вообще людей.

– Люди меня тогда не очень интересовали. Меня интересовал ближайший круг, который мне объяснял, что я занимаюсь какой-то удивительной, редкой и непостижимой фигней. Прошли годы... И мне помогло именно то, что они так считали. Вот если бы я училась в каком-то другом профильном учреждении, где это было бы смыслом существования, мне было бы очень трудно с грузом ответственности человека, который приходит в такое намоленное пространство, как некая русская поэзия, и пытается в ней что-то написать. Поскольку я действовала в ситуации, где поэзия не являлась целью существования и не являлась высшим способом человеческой реализации, я просто занималась тем, что я любила. И мне не нужно было чувствовать вину за это. Это и сработало в итоге. У меня не было никакого сообщества, в котором люди соревнуются. У меня не было никакой литературной студии, в которую нужно было приходиться и звонким пионерским голосом читать то, что написано за неделю, чтобы взрослые дядечки это разбирали. Это меня убергло очень от многого. В частности, от чувства чудовищной ответственности за то, что ты делаешь. Поэтому все было так радостно и легко.

– А тебя за твои стихи когда-нибудь чморили?

– Конечно.

– Прямо чморили?

– Да. Когда я поступила на журфак, мне было 15 лет. Была у нас там профстудия. Машины друзья подарили мне на день рождения 300 экземпляров моей книги, в которой были собраны мои стихи с девятилетнего возраста. Когда человек, который вел профстудию, узнал, что у меня есть книга, он попросил принести ее и

всем раздать. Это был первый курс. Девчонки и мальчишки были старше, чем я. Мне 15, а им по 18 и 19 лет. Это был большой день в смысле втаптывания меня в землю. За меня тогда вступилась только одна девочка, которая была моей лучшей подругой.

– Зачем ты вообще оказалась на журфаке МГУ? Ты стихи пишешь с 5 лет и наверняка понимала, что в жизни своей ни одного интервью никогда не возьмешь, но всюю будешь их раздавать.

– Никогда я так не думала. Кому нужны люди, которые пишут стихи, Рома? Конечно же я знала, что я буду их писать всю жизнь. Но мне нужна была какая-то работа, профессия. Я хотела писать в газеты, писать в журналы статьи, брать интервью. И у меня неплохо это получалось.

– Почему ты перестала это делать? Потому что вдруг поперло со стихами и ты поняла, что все-таки кому-то это надо?

– Отчасти да. А отчасти и потому, что у меня есть одна системная проблема с журналистикой. У меня абсолютный ад с дедлайнами был всегда.

– Ты возвращаешься на журфак? Бываешь там?

– Да, иногда меня просят там рассказать что-нибудь.

– Тебя там трогает еще что-то?

– Все. Это место пяти лет огромного счастья в моей жизни. Говорю это без иронии. Несмотря на все драмы и несчастные любви, это самое лучшее место на свете до сих пор.

– Следишь за тем, как сложились судьбы твоих однокурсников? Кто-то взлетел высоко?

– Они все остались в моем поле. Люди, которые были ко мне ближе всего в процессе учебы моей, никуда не делись из моей жизни. Надо сказать, что моя большая радость и гордость в том, что нет таких историй страшных, когда кто-то был невероятным богом с курса, а превратился в руины и пепел и сейчас неприятно с ним разговаривать. Таких людей нет.

– Руины и пепел – ты что имеешь в виду? Пошел после журфака в пресс-секретари Павла Астахова?

– Например, да, ударился оземь и обратился чудищем лесным. Все как-то молодцы большие. Многие оставили журналистику, но творчество не оставил никто. Кто-то кино снимает. Кто-то фотографирует. Кто-то танцует. Со всеми происходит какое-то биение жизни, что мне очень нравится.

– Ты можешь их назвать успешными людьми?

Успешные люди, которых в журналах с часами фотографируют, меня не интересуют, к сожалению. Они не успешные

– А у меня немножко другие критерии успешных людей. Успешные люди, которых в журналах с часами фотографируют, меня не интересуют, к сожалению. Они не успешные. Как правило, люди жертвуют ради этих часов и автомобилей собственным покоем, сном, семьей, отношениями с родителями. Для меня успешные люди – это те, с которыми можно проржать 4 часа и не почувствовать при этом никакого напряжения. Или поехать с ними в любую точку мира и не вскрыться от них за неделю совместного проживания. Вот это успешные люди. Это значит, что они состоялись и живут с собой в

покое, им с собой хорошо. Что очень редко бывает в наше время.

– А ты успешный человек? "Загадал: когда вырасту – стать никем..." твои же слова. Кем ты стала к 30 годам, Вера? Никем?

– Когда успешный человек говорит, что он добился всего, что хотел, это очень страшная ситуация. Поскольку у меня впереди еще очень много работы, мне кажется, что мне очень повезло. У меня есть очень смешное интервью, данное мной 10 лет назад. Я его недавно перечитала. Я тогда была еще блогером-тысячником, никто не называл меня, боже упаси, поэтом. Меня в интервью спрашивали, как я вижу свою жизнь в 30 лет. Я рассказывала о своих волшебных мечтах. Смешно то, что у меня почти все получилось. А именно: объехать полмира, родить сына, написать несколько книг. Все есть.

Вера Полозкова.
Фотограф Сергей
Сараханов

– Мне кажется, ты этими тремя словами – "загадал стать никем" – очень точно описала настроение нашего с тобой поколения. Тебе не кажется, что мы как-то болтаемся во времени и в пространстве голодранцами,

которые не успели ни денег в нулевые заработать (когда денег в стране было много), ни руками что-то полезное научиться делать, ни ответственность брать за что-то очень важное не научились?

– Ты же понимаешь, что каждое время формирует какой-то особенный запрос к тому, кто в нем вырастает. И если мы сформированы именно такими, значит мы именно такими и нужны в ноябре 2015 года. А именно – очень чуткими к фактуре.

– Кому от этого проще-то?

Нас поставили здесь за чем-то наблюдать и что-то запоминать, записывать, фиксировать

– Никому не легко. Но значит нас поставили здесь за чем-то наблюдать и что-то запоминать, записывать, фиксировать. Вот нас с тобой конкретно точно. И значит мы пригодились и пригождаемся именно в этом качестве. Мы что-то формулируем, чтобы люди потом читали эти свидетельства и у них была возможность прикоснуться к фактуре времени. Вот и все.

– Тебе мама выедает мозг: вот ты уже взрослая, а занимаешься непонятно чем! Когда уже на работу устроишься? Когда в трудовой книжке запись появится?

– Она мне именно так и говорила лет семь назад, когда со мной не понятно что должно было происходить в профессиональном смысле. Она человек дела, она инженер, она строила подводные лодки, для нее должны быть зримые результаты того, что ты делаешь. Ей много времени потребовалось для того, чтобы понять, что я нужна именно там, где я нахожусь и делать нужно именно это, а в офис никакой я не пойду. У меня есть любимая история про нас с моим мужем. Мы собирались лететь в Ригу на концерт. Мы делали визу. Саша завис над графой "должность" в анкете. Тетечка проходит мимо и говорит: "Ну что у вас вызвало такое замешательство?" Саша ответил, что он не понимает, какую должность написать. Она уточнила, кем Саша работает. Саша ответил, что он музыкант. Тетечка на это сказала: "Ну так и напишите, что вы безработный". Эта короткая история все объясняет про то, как я живу. Потому что я могу выйти на сцену и увидеть в зале полторы тысячи человек, которые пришли на меня, купив билеты. Но при этом в любом госучреждении и при заполнении любой анкеты, или когда таксист спрашивает, чем я занимаюсь, мне как-то становится немножко неловко. Потому что я чувствую себя шарлатаном, когда говорю: "Я пишу книжки". Говорю так и думаю: боже, как я жалок.

– Наверняка есть еще примеры, но я – темный – знаю только один, чтобы девочки с самого раннего возраста писали великолепные стихи. Это Ника Турбина. Скажи, для тебя этот человек что-то значит? Ты себя с ним ассоциируешь каким-то образом?

Никто не затащил меня ни в какую телепередачу в возрасте 7 лет и не заставил с листочка читать стихи

– Я знаю эту историю. Я ее прицельно изучала. Как и в большинстве русских семей у меня есть пластинка с записями стихов Ники Турбиной в ее собственном исполнении. Но со мной же совершенно, к счастью, другая история. С ней случилось то, что вообще невозможно пережить. Она стала знаменитой в 8 лет. Она именно прославилась в 8 лет. Очень маленьким ребенком она стала девочкой-поэтом на всесоюзном уровне. Это очень страшный груз. Она перестала писать

довольно рано, лет в 18. А дальше, поскольку ты Ника Турбина, девочка-поэт (хотя ты уже женщина взрослая), а у тебя ничего не получается другого, приходит огромная беда. Слава богу, я не попала в эту воронку. Никто не затасил меня ни в какую телепередачу в возрасте 7 лет и не заставил с листочка читать стихи. Слава богу, меня душило мое честолюбие лет до 18-19, заставляло меня блоги писать, а я не понимала, почему обо мне никто ничего не знает! Слава богу, во мне все это успело перебродить и вызреть. Но вот когда это с тобой происходит в 10 лет, у тебя к этому вообще нет никакого иммунитета.

– Тебе поэзия приносит деньги? Можешь только на это жить и ничего больше не делать?

– Я ничего не делаю больше сейчас. Я пишу стихи, выпускаю книжки и езжу с концертами по стране. Так я живу и зарабатываю деньги. Это единственный мой способ существования. Муж мой работает в группе, которая ездит со мной. Это наша с ним общая история.

– Он музыкант в твоей же группе?

– Да.

– Это случайно так получилось?

– Он пришел устраиваться басистом к нам в группу.

– И ты его не знала?

– Нет. Какой-то мальчик пришел с бас-гитарой.

– Так вы и полюбили.

– Мы работали вместе полгода. Ему было 23, он был самый младший в группе. Мне было 25. Зимой он пришел и сказал, что он уходит из группы, потому что больше не может со мной работать. Я спросила: почему? Он ответил: потому что я тебя люблю и это больше не возможно. Он переехал ко мне с сумкой, в которой лежали 4 футболки и концертные кеды с бас-гитарой.

– Как твой муж относится к тому, что ты довольно существенную часть своей жизни выставляешь на показ в своих стихах?

Моя история – это весь мир. Люди, которые меня не знают, подходят ко мне, здороваются и ведут себя так, будто они знают меня 20 лет

– Это мучит его. Он интроверт. Сейчас уже, думаю, что не мучит, так как мы 4 года вместе уже продержались, у нас ребеночек родился. Но сначала это было ему не понятно. Моя история – это весь мир. Люди, которые меня не знают, подходят ко мне, здороваются и ведут себя так, будто они знают меня 20 лет. У меня именно так. У мужа моего наоборот. У него есть бабушка, дедушка, мама, сестра, я и ребенок. И больше никаких людей на свете нет.

– Ты в курсе, что ты очень многих людей раздражаешь? В частности людей, которые занимаются интеллектуальным трудом. Претензии к тебе есть: Полозкова ненастоящая, Полозкова деланная, Полозкова не понимает, о чем она пишет... и вообще ты какой-то Гришковец. Сложные у тебя отношения с критикой?

Это история, в которой на тебе лежит тишина полуторатысячного зала

– Да. Я 14 лет читаю все это. И иногда случается, что после этого не очень хочется жить. И сил нет. У меня довольно энергозатратное ремесло. Это не концерты, где люди песни поют, и все пляшут. Это не концерты, где люди моноспектакль читают, не концерты, где люди слушают и параллельно отвечают на имейлы. Это история, в которой на тебе лежит тишина полуторатысячного зала. Если кто-то не внутри, если кто-то ходит, если кофемашина работает, если ты видишь в зале

людей (а это значит, что они подсвечены смартфонами), то у тебя не получается, и тебе надо биться, пока не получится. Это огромные энергетические затраты.

– У тебя не возникает чувства неловкости, когда ты сама вслух читаешь свои стихи? Знаешь, людям несамовлюбленным свойственно немножко стесняться того, что они делают. Или ты всем довольна?

– Я не могу смотреть пленки ни с одного своего выступления, за редкими исключениями, когда мне надо

утвердить какой-то видеоряд.

– А тексты? То, что ты год назад написала, ты сейчас легко читаешь?

– Год назад – спокойно. Как раз за год стихотворения становятся просто стихотворениями, они немножко отцепляются от фактуры, которая их породила. Но вот то, что написано 10 лет назад... я хватаюсь за голову. Но это очень интересное чувство. Это как фотокарточку найти с первого курса. И горько и смешно. И людей этих нет ни с тобой, ни, может быть, кого-то и в живых уже.

– У тебя есть стихотворение "Край у нас широк". Там есть такие слова: "От восторга мы не ругаемся больше матом, не еб...ся, не курим. Нас по выходным только к банкоматам выпускают из тюрем..." Почему ты во время выступлений слово "еб...ся" не произносишь вслух? Зачем тогда это слово писать, если со сцены произнести ты его не можешь?

– Были спектакли "Стихи про Москву" в театре "Практика", там я произносила одно чужое стихотворение с нецензурной лексикой. Для меня это проблема большая – материться со сцены. При этом внутри моего текста "...От восторга мы не ругаемся больше матом, не еб...ся, не курим..." заключена некоторая ирония. Для русского человека сказать "не еб...ся" – это не выругаться. Человек не ругается, когда так говорит, он так называет вещи, которые не имеют другого названия. Когда ты этот текст читаешь, эта ирония считывается, когда ты это произносишь, человек не запоминает ничего, кроме того, что ты сказал матерное слово со сцены. Поэтому я его заменяю.

– Со стороны это выглядит так, что тебе неловко за то, что ты сама же и написала.

– Нет, это немножко не так. Просто письменные и устные тексты имеют разные рамки восприятия.

– А как ты относишься к закону о мате? И как ты думаешь, через какое-то время букет всех этих странных законов завянет и будет в одночасье отменен, или это навсегда?

Эти законы – выкрики людей, которые думают, что они чем-то управляют. Но их рычаг давно выдернут из всех пазов

– К реальной жизни же это не имеет никакого отношения. Закон о мате, закон о гей-пропаганде... какое отношение к реальности это имеет? Они не могут реальность регулировать. Эти законы – выкрики людей, которые думают, что они чем-то управляют. Но их рычаг давно выдернут из всех пазов. Они просто крутят этот рычаг, но ничего не меняется.

– Есть дурные законы, которые реально меняют жизнь. Закон об НКО, импортозамещение, закон об усыновлениях. Все это

реально можно пощупать руками.

– Это правда. Жуткие последствия у этого есть. Мне кажется, что все это происходит от того, что люди,

принимающие эти законы, живут в абсолютно герметичном и непроницаемом мире. Они никогда не проверяют результаты своих действий. И никогда даже не задумываются о них. Я не думаю, что эта ситуация долговечная. Я не думаю, что система, в которой мы живем, устойчивая. Мы же видим, с какой скоростью все сыпется. Мне кажется, что это не надолго. Но самое опасное – воспринимать эту войну как единственную свою работу. Все, что мы можем внутри этой ситуации – это продолжать делать здравые вещи, продолжать работать тем, кем лучше получается. Нужно воспитывать детей. Нужно строить. Это же довольно сильно навязанный морок, который должен подорвать в нас веру. Они ведут себя так, будто они действительно чем-то управляют и на что-то влияют. Но большинство этих законов принимаются для того, чтобы мы с тобой о них говорили, чтобы искусственно поддерживать несуществующее. Мы должны в максимальной трезвости продолжать пребывать. Это единственный способ противостоять всей этой марзматической лавине, о которой ты говоришь.

– Вера, ты принимала участие в "Довлатов-фесте" в Пскове в этом году, почти сразу после того, как все активно стали подозревать губернатора Псковской области Турчака в организации покушения на журналиста Кашина. Кто-то на этот фестиваль ехать отказались. Ты нет. Почему?

– Я была куратором поэтической программы. Тогда слетела почти вся моя программа. Ко мне не приехали трое из четверых.

– И ты все равно поехала участвовать.

– Да. Я была куратором. Пока со мной едет хоть один человек, я еду. Смотри, ты курируешь программу на фестивале. Тебя попросили об этом за полтора года. Ты согласился. Согласился делать это с командой, с которой делал и другие фестивали. Эти люди – твои друзья. И эти люди говорят: мы хотим, чтобы ты по своему разумению привезла поэтическую программу туда, где Довлатов водил экскурсии, где есть музей его имени. Вот я этим и занялась. Это была моя работа. Потом люди в ночь перед вылетом отказались ехать. Но я не могла отказаться, я там работала, я там выступать должна была. И не перед губернатором Турчаком, который перед журналистами оказался один раз за весь фестиваль. Я выступала перед людьми, которые купили билеты, пришли. Внутри – это все выглядит немного иначе, там даже не стоит такого вопроса – едешь ты или нет. Если ты профессионал, ты едешь.

– Отказавшиеся ехать люди – не профессионалы?

– Они приглашенные гости. А я – один из организаторов, понимаешь?

– Перед Кашиным тебе не было неудобно?

– Нет, я ему написала письмо. Я объяснила, что у меня нет выбора. Три дня до фестиваля, он уже существует, его нельзя отменить. Туда летят режиссеры со всех концов мира. Я отвечала за людей, у меня не стояло вопроса такого. И мы сделали классное выступление, мы сказали перед выступлением, что фестиваль оказался в очень грустной этической ситуации, и все преступления, кем бы они ни совершались, должны быть расследованы.

– Кашин обиделся на тебя?

Он поименно перечислял тех, кто на фестивале сделал какие-то заявления, а кто нет. Будто это мы все дружно его избивали

– Я не знаю, честно говоря, обиделся он или нет. Меня поразило, что он прицельно ждал извинений от каждого, кто там выступал. Он поименно перечислял тех, кто на фестивале сделал какие-то заявления, а кто нет. Будто это мы все дружно его избивали. Я делаю не первый десяток фестивалей. Губернаторы любых областей всегда входят в оргкомитеты фестивалей. Всегда. Даже если ничего кроме площадок они тебе не предоставили. Какие-нибудь упыри из администрации, которые выходят говорить вступительное слово на фестивале, всегда сидят в оргкомитете. Потому что это условие.

– К счастью, не все эти упыри имеют отношение к покушениям на людей.

– На самом деле – все! Ты не думаешь так?

– Я не думаю так. Одно дело у кого-нибудь заводик отжать. Другое – заказать убийство.

– Так или иначе внутри какого-то ада побывали они все. И все это знают. И когда упыри выходят на сцену,

никто не верит ни одному их слову. Но это всегда условие, при котором можно провести фестиваль в городе. Понимаешь? В Перми, в Оренбурге... во всех городах, которые ты можешь вспомнить. Это ужасная история. Чудовищная. У меня нет восторженного захлеба, что я оказалась в такой ситуации. Но жертвовать тем здоровым, что ты делаешь потому, что Марат Гельман обвиняет тебя в нечистоплотности в связи с тем, что ты летишь на этот фестиваль (а ты летишь делать свою работу, не выгораживать кого-то, не работать на государство, не врать от его лица), я не буду.

– В следующем году поедешь?

– Я не знаю. Это открытый вопрос. Я не знаю, что я вообще буду делать в следующем году. И будет ли этот фестиваль проходить в следующем году. Но в этом году фестиваль был крутым. Туда летел Леня Федоров, великий русский композитор Мартынов, Александр Филиппенко читал Довлатова. Про это люди не говорят. Люди выставляют это адовым балаганом и комик-шоу, на котором Мединский выдает Довлатова за писателя 19 века. Это был крутейший фестиваль, который собрал огромное количество жителей.

– Ты, разумеется, из тех людей, которые никакие новости не смотрят, никакие информационные сайты не читают и всячески себя пытаются сохранить от политического безумия, войн и вот такого истерического фона, чтобы лучше писалось. Все так?

– У меня есть мечта об информационной гигиене, есть мечта о том, чтобы уберечься от токсичного излучения. У меня нет телевизора лет 12. С тех пор, как я поняла, как он делается изнутри, у меня его и нет. Но весь мой круг общения и моя лента в фейсбуке – это журналисты, люди, связанные с информационным полем напрямую. Я не могу держаться в стороне, несмотря на то, что об этом мечтаю. Поэтому я читаю очень много всего, естественно.

– Это все проникает каким-то образом в твои стихи?

– Конечно. Оно влияет. Это тексты, написанные в это время. Куча всего приходит из новостей, из повестки.

– Но все равно в твоих стихах гораздо больше твоих личных страданий, а не моих, или его, или наших.

– Как и во всех стихах на свете. Только страдания Бродского – они твои личные страдания.

– Ты, знаю, придумала себе универсальный ответ, если тебя вдруг спросят про Путина и Медведева. Когда тебя про них спрашивают, ты говоришь, что тебе эти люди не интересны, потому что у этих людей и вокруг этих людей совершенно нет никакого вкуса: все без выдумки, без фантазии, скучно. Вера, не уверен про Медведева, но вот про Путина-то точно можно сказать: вкус, который он в себе воспитал и которым он себя окружает, очень востребован в нашей стране. Очень это многим нравится. То есть ты вообще на другом языке со своей страной разговариваешь, понимаешь? И страна тебе скажет: может, это у тебя со вкусом что-то не так, Вера Полозкова?

– Это очень может статься. И я очень горжусь в таком случае, что у меня что-то не так со вкусом. Это может быть совершенно не очевидно сейчас, но в будущем мои отношения со стилем...

– Со стилем – в широком смысле...

– Да, мои эстетические воззрения сейчас может быть ничего не изменят, а в будущем это будет концепцией, которая победит. Я в этом абсолютно не сомневаюсь.

– Да никогда твоя эстетика здесь не победит!

Мы здесь для того, чтобы говорить о том, о чем нельзя говорить внутри современной системы

– Почему? У Анны Андреевны с Николаем Гумилевым тоже были довольно маргинальные для своей среды и своего времени вкусы. С их вольнодумными стихами о женской измене... об этом никто не мог говорить даже вслух. Их образ жизни, три мужа... вот это все. А Цветаева со своей однополрой любовью? Они все, знаешь, тоже очень большие подозрения вызывали. Но они собой легитимизировали эту историю и остались внутри культуры. Владимир Набоков тоже в большом меньшинстве оказался, когда написал роман "Лолита" и подвергся всему, чему он подвергся. Но теперь это утвержденный сюжет в литературе. Мы здесь для того, чтобы говорить о том, о чем нельзя говорить внутри современной системы. Про плохое у нас нельзя говорить. Про тех, кто не выжил, у нас нельзя говорить. Про тех, кто не победил, у нас нельзя говорить. Про тех, кто не

знаменит, у нас нельзя говорить. Про тех, кто денег просит на улице, у нас нельзя говорить. Про тех, кто умирает без лекарств, у нас нельзя говорить. Если мы правильно об этом скажем, в этом будет достаточно таланта, огня и убедительности, тогда мы это приведем в язык, в обсуждение, в литературную сферу, в контекст. И с этого все начнется. Все изменения всегда с этого и начинаются.

– Почему это все не может победить в момент говорения? Почему обязательно должно пройти 50 лет?

– Закон.

– Что за закон такой?

– Закон эволюции. Люди, которые опережают течение и контекст времени, приносят что-то. И только через 50 лет все остальные их догоняют. Так всегда было. А здесь – тем более. Если мы только сейчас – в 80-е и 90-е – Платонова прочитали! У нас в 80-е такой писатель возник! Великий русский писатель! Не в его время, когда никто не понимал, что это такое. Он дворником работал, потому что у него выбора не было. А был при этом великим писателем.

– Я тебя однажды видел в Индии. Пронесился мимо тебя на мотороллере. Что ты там делаешь? Голову чистишь?

– Я очень люблю эту территорию. Эту страну.

– Страшная, грязная, безалаберная, безответственная, жульническая, хитрая страна.

– Небезопасная. Потрясающая.

– Потрясающая, да. Я же тоже люблю.

В радиусе 500 километров ты единственный белый человек. Черные, чумазые, лохматые дети без трусов трогают тебя, потому что ты диво-дивное, а еще, вероятно, у тебя есть деньги

– Чудесная страна. Страна для твоего личного отрезвления. Если вдруг тебе казалось, что ты очень несчастлив, отторгнут средой, про тебя говорят гадости люди, которых ты уважал, ты испытываешь творческое бессилие, у тебя проблемы... ты первый раз приезжаешь в Индию и понимаешь, что ты ничего никогда не знал о проблемах. И все, что ты о себе думал, иллюзорно и смешно. В радиусе 500 километров ты единственный белый человек. Черные, чумазые, лохматые дети без трусов трогают тебя, потому что ты диво-дивное, а еще, вероятно, у тебя есть деньги. Они ничего о тебе не знают, ты им никогда не расскажешь, что такое стихи на русском языке. В этот момент ты абсолютно счастлив и свободен. В этот момент ты на краю земли, и ты только то, что ты сейчас из себя представляешь. Индия –

это большой учебник смирения. Поэтому я ее обожаю. Она меня очень многому научила. Например, она меня научила тому, что мне для счастья нужно в 5 раз меньше всего. Меньше еды, меньше одежды, меньше выделяться, меньше понтов. Вот ты когда до Гокарны доезжаешь, то ты понимаешь, что тебе надо всего очень немного, чтобы почувствовать себя счастливым человеком.

– У тебя родился недавно ребенок. Это конец? Ну в том смысле, что маленькие дети очень многое дают мамам, но прежде всего очень многое из мам высасывают: жизненную энергию, силы, время, мысли, слова, да все высасывают. И поводов для написания новых стихов остается все меньше.

– Мне может и хотелось бы по этому поводу погоревать, но я вообще не могу. Мне достался фантастический ребенок. Он дико счастливый человек. Он очень кайфовый. Он от всего получает удовольствие. Он искренний. Много хохочет. Все, что вокруг нас происходит, его радует. Это большое счастье – обнаружить, что ты – ленивый прокрастинирующий невротик – произвел на свет существо, которое так искренне прет от жизни. Именно ребенок заставил меня пересмотреть свой собственный график. Раньше для меня любое действие, которое не имеет цели, было недопустимым. А тут надо выйти и просто три часа гулять с коляской. Как это? Для меня это было предместьем ада. Просто выйти и катить коляску? А теперь я понимаю, что это единственное время во время дня, когда я себе

принадлежу, никому ничего не должна. И я за этот год гораздо больше написала. Я почти закончила детскую книжку, хотя я никогда в жизни не думала, что буду писать детские книжки. Мне не хочется пускать пыль в глаза и говорить: "Ребята, дети – это легко и смешно". Но для меня это правда было озарением и подарком. Все мои метания, пубертатные страдания, психозы закончились. На мне человек целый. Здесь и сейчас. Ребенок – это самая главная тренировка на здесь и сейчас. Пока у тебя нет детей, ты живешь в прошлом, будущем, в своих несостоявшихся планах, амбициях, обидах, тебя нет здесь.

– Может так случиться, что ты вдруг замолчишь? Как было с поэтом Алексеем Цветковым, который писал-писал, а потом решил помолчать лет 15. Ты считаешь, что иногда помолчать бывает полезно? Или нельзя останавливаться, иначе сразу разучишься писать, да и забудут все тебя моментально.

– К счастью или к сожалению, ты это не контролируешь. Невозможно усилием ума заставить себя сесть и написать стихотворение. Невозможно решить сегодня с двух до пяти написать обязательно стихотворение.

Это делается не волевым усилием. В этом, как и в детях, поровну твоего труда и некоторого провидения. Что, мы решали, какие у нас дети будут?

– Мы решали, что они у нас будут.

– Какой у них будет характер, чьи у них будут глаза, как они будут реагировать на те или иные вещи? Тут поровну того, что мы им дали и того, какими они пришли. Ты прекрасно это знаешь, у тебя сын. Они с первого месяца абсолютно готовые люди. Ты не можешь их научить чувствовать, реагировать. Есть ты, твоя жена и совершенно отдельный готовый чувак, который все знает и все понял. Так и со стихами: есть твоя зона ответственности и божественное вмешательство. У меня случались периоды, когда я не писала год. Внутри от этого тебе очень плохо.

– Да тебе, может, просто лень было. Поэтому и не писала. Села бы – написала бы.

– Нет. Я садилась, мучилась. Ничего не дописывала. Было это гораздо хуже, чем можно себе это представить. В аду я была. Все закончилось. И это было очень страшно.

– Потом все вдруг вернулось?

Для меня каждый текст, который пишется, может быть моим последним стихотворением

– Потом как не было, так и стало. Чудо. С этого момента для меня каждый текст, который пишется, может быть моим последним стихотворением. Вот я сажусь и думаю – это, возможно, мое последнее стихотворение. Во-первых, в мире, в котором мы живем, вообще нельзя ничего предсказать. Завтра ты сядешь и полетишь в Египет, из которого не вернешься. Во-вторых, это действительно не совсем от тебя зависит. Я однажды спросила у Бориса Борисовича Гребенщикова, которого очень люблю, случаются ли у него творческие кризисы.

А у Гребенщикова примерно 40 альбомов, на пятерых человек хватило бы. Он на меня в ужасе посмотрел и ответил, что 90 процентов времени у него – это творческий кризис. Если у такого человека 90 процентов времени – творческий кризис, мне можно не переживать, все в порядке.

– У тебя есть какая-то лазейка на случай, если к тебе перестанут приходить слова?

– У меня нет никакого запасного варианта. Я точно не пропаду. Но могу тебе сказать, что в рейтинге страшного для меня это на первом месте стоит. Это ужас, о котором не хочется думать. А все остальное – вещи, с которыми можно справиться.

– Тебе не кажется, что ты слишком серьезно к себе относишься?

– Боюсь, это профессиональная деформация, которой невозможно избежать для того, чтобы продолжать делать то, что ты делаешь. Внутри дела непростого, которым я занимаюсь, нужно собирать в кулак все свои усилия. Со стороны это выглядит довольно пафосно. А внутри это не так.

– Ты сейчас планируешь свою жизнь? Вот ты сказала, как прочитала свое интервью десятилетней давности и поняла, что всего, о чем мечтала тогда, добилась. Давай повторим эксперимент. Что ты хочешь к 40 годам?

– Все ужасно банально. Я хочу построить дом. У меня есть план очень красивого дома. Я об этом никогда в жизни вслух не говорила. Все, кто учился когда-то на журфаке, нравственно падают в тот момент, когда покупают себе шкаф. Потому что все они презирают мещан, людей, которые копят на тачку. Это же романтики с большой дороги. Но когда рождается ребенок, ты вдруг по-другому начинаешь думать.

– Ты знаешь, я захотел шкаф гораздо раньше. До рождения ребенка. Хотя я и с журфака.

– У меня это появилось в момент, когда я начала отвечать не только за себя. Мне захотелось своего места. Я хочу несколько детей. Сыновей. Мне хочется сохранить свою семью нерушимой, потому что разведятся сейчас абсолютно все, кого я знаю. Каждый второй, с малыми детьми, без детей. Это страшно выглядит. Хочется, чтобы мне хватило сил, чтобы не разрушить по какой-то глупой причине вещи, которые дороже этой глупой причины. Мне хочется написать еще много всего. В том числе и не стихов совсем.

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Роман Супер.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)